

Прогулка четвертая: по Васильевскому острову

Светлейший князь и его светлейший дворец

До того момента, когда Петр избрал Васильевский остров под строительство нового города, здесь было весьма пустынно, словом, как писал современник, на Васильевском рос преимущественно «дикий и густой лес». Строения скучивались ближе к Стрелке, где скрипели крыльями более десятка лесопильных мельниц.

---

³⁴⁶ Там же. С. 128; *Чеснокова А. Н.* Невский проспект. Л., 1985. С. 9; *Севостьянов С. Ф.* Площадь Восстания. Л., 1987. С. 8.

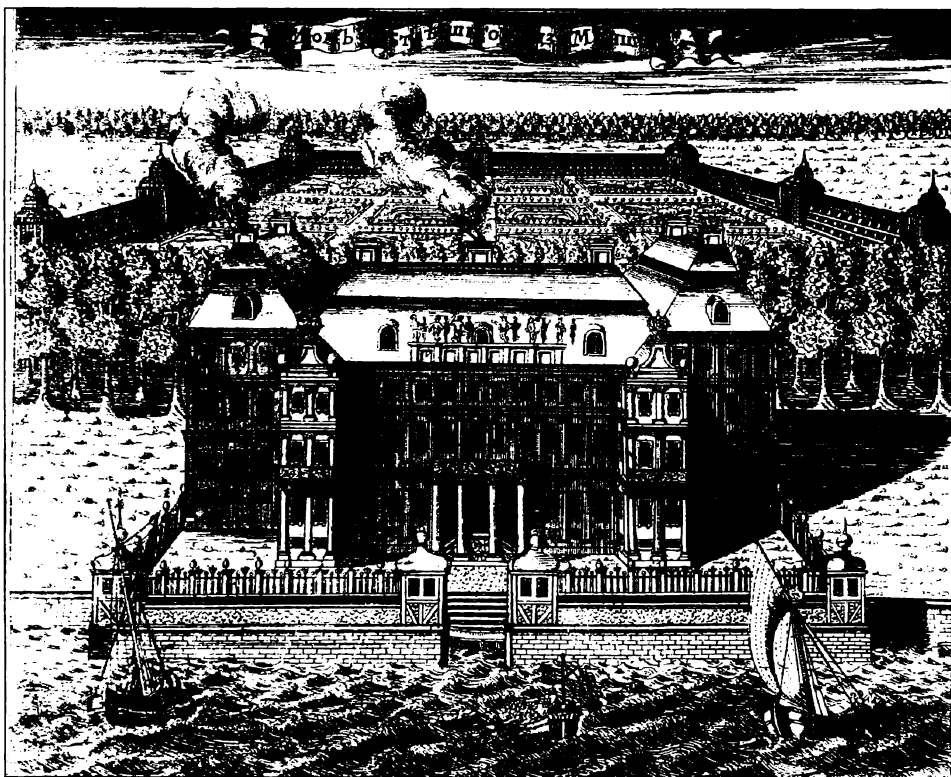
Панорама Невы от Исаакиевского моста в Санкт-Петербурге.
О. Эллигер. 1726—1735

Важные изменения произошли к 1710 г., когда был построен тот самый, видный от Зимнего дома Петра «Дом князя» — великолепный дворец Меншикова, возведенный по проекту Д. М. Фонтана. В августе 1710 г. стройка завершилась, и дворец надолго стал местом устройства официальных торжеств и балов, центром жизни столицы. Недалеко от дворца стояли каменный дом гофмаршала Меншикова, Ф. А. Соловьева, а также построенная предположительно в 1713 г. и освященная в ноябре 1714 г. мазанковая Воскресенская церковь, которая служила домовым храмом всесильного вельможи.³⁴⁷ За парадным каменным дворцом стоял деревянный дворец Меншикова (Посольские хоромы), перевезенный (ранее 1710 г.) с Городового острова. К нему вел канал от Невы. Далее был разбит великолепный сад с итальянской скульптурой и первой в городе каменной оранжереей, в которой вызревали тропические фрукты. Сад этот, по мнению визитера, считался «после царского обширнейшим и лучшим в Петербурге».³⁴⁸

Эта часть Васильевского острова оказалась в Петербурге самым теплым, прогреваемым солнцем местом, и здесь, на укрытом боскетами

³⁴⁷ Походный журнал за 1714 г. СПб., 1854. С. 144; Трубинов Ю. В. Церковь Воскресения Христова в усадьбе А. Д. Меншикова (исследование и реконструкция) // КЗ. Вып. 4. С. 46—81; Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В. Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1996. Н. В. Калязиной принадлежит и немало других работ по истории Меншиковского дворца.

³⁴⁸ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 55.

Вид дворца князя А. Д. Меншикова на Васильевском острове.
А. Ростовцев. 1717

грунте, за короткое петербургское лето поспевали дыни.³⁴⁹ Меншиков любил свой сад и в последний раз обошел его буквально за несколько дней до своей ссылки в Сибирь. Сад выходил почти на набережную Малой Невы.

Портрет на фоне города

Верный Алексаша, или Чуб девки Фортуны

Весной 1711 г. Петр собирался на войну с Турцией. Его томили скверные предчувствия, и, узжая навстречу своей судьбе, он думал о детях, поручая их Меншикову и надеясь, что Данилыч не бросит их в беде. В эти годы Меншиков все чаще остается в Петербурге и исполняет многотрудные

³⁴⁹ Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады. С. 101—102.

обязанности генерал-губернатора. Он стоит первым в длинном ряду губернаторов Петербурга. Жизненный путь Меншикова удивителен. В его низкопородности никто не сомневался, это как раз про него известная присказка: «Из грязи да в князи». Бойкий сын конюха, Алексашка как-то приглянулся молодому Петру, и тот сделал его денщиком, привязался к нему. Многие годы они не расставались, деля стол, дорогу и трудности. Петр называл его в письмах «Алексашею», «Mein Herzgenkind» — дитя моего сердца.

Так начал свою невероятную карьеру будущий генералиссимус. Природа щедро одарила неграмотного Алексашку. Важно то, что он оказался тем человеком, тип которого культивировал Петр: предан государю, отважен в бою, инициативен, любит море и корабли, неутомим в работе, стоек в непрерывных попойках, покладист и необидчив.

Впрочем, этого мало для успешной карьеры, нужны яркие поступки. И вот при взятии шведской крепости Нотебург осенью 1702 г. Меншиков проявил себя как отчаянный смельчак, на глазах царя он лез в самый огонь. Так, на шпагу, как трофей, Меншиков взял свое первое кресло — стал комендантом этой крепости, переименованной в Шлиссельбург. Царь начал поручать ему другие дела, сделал Меншикова генерал-губернатором Петербурга. Быстрый, ловкий, он уже тогда проявил те малосимпатичные черты, которые постепенно стали главными в характере светлейшего князя.

Выходец из низов, он искал людского признания посредством чинов, титулов и наград. Его одежду покрывал панцирь из орденов и бриллиантов, титул его был пышен и многосложен. Его дворец блистал роскошью на фоне скромного жилища царя. Но не только гордыня сжигала Меншикова, он оказался редкостным даже для России стяжателем и казнокрадом. За свою жизнь во власти он скопил невероятные богатства. Но жажда стяжания, как жажда власти, неутолима, и остановиться вору уже невозможно. От эшафота его спасала особая любовь царя да умение разом отдать в обычно пустую казну все, что он с таким рвением и тяготами наворовал. Выручала светлейшего и царица Екатерина — бывшая его любовница. Когда Петр умер, Александр Данилович отблагодарил свою «давнюю подругу сердца» — сделал ее императрицей Екатериной I.

А. Д. Меншиков. Ж. Симон. 1710

К этому времени светлейший заматерел, приосанился, казалось, он достиг всего, о чем может мечтать такой человек. Но не спалось Менишкову в его уютном дворце, честолюбие жгло его пуще прежнего. Сын конюха мечтал о короне. Нет, не для себя, для детей. Когда весной 1727 г. Екатерина умирала, он добился, чтобы его дочь Маша была объявлена невестой нового императора Петра II. Все шло прекрасно: Менишков стал генералиссимусом, а юного императора, будущего зятя, поселил в своем доме. Словом, до престола Романовых оставалось чуть-чуть... Счастье было так близко! Но нет, не получилось!

Менишков заболел, и его свергли. В те времена был популярен образ Фортуны — богини удачи, счастья, судьбы в виде быстроногой девицы с длинными и пышными волосами, но гладким, как бильярдный шар, затылком. Если хочешь быть счастливым, нужно ловко схватить Фортуну за кудри. Промедлил — и рука скользит по лысому затылку, уже не догонишь Фортуну, не изменишь судьбу. Менишков всегда был проворен и ловко ухватывал свою удачу. Но этого оказалось мало. Держа удачу в руке, нельзя зевать и успокаиваться, а тем более болеть. Власть любит только здоровых. А Менишков расхворался и лишь на месяц отпустил от себя императора. И все — Фортуна сбегала от своего любимца, последовал указ, продиктованный мальчику-императору недругами светлейшего, и вскоре Менишков отправился, как говорили уже тогда, считать березки по Сибирскому тракту.

И сразу же у светлейшего отобрали все его звонкие титулы, ордена, описали все бриллианты. Уже на дороге в Сибирь убогую повозку ссыльного нагнал курьер и устроил Менишкову унижительный обыск, отобрал у богатейшего еще вчера вельможи запасные штопанные чулки, ночной колпак да кошелек с 59 копейками. Менишков не сопротивлялся — он сам безжалостно топтал людей без счета и знал повадки властителей. Взлетев когда-то из грязи в князи, он, совершив круговорот, снова оказался в грязи и вскоре, всеми забытый, умер в сибирской ссылке.